

Алексей Волвенко

О ПРАВЕ НА ЗАЧИСЛЕНИЕ В ВОЙСКОВОЕ КАЗАЧЬЕ СОСЛОВИЕ И О ВЫХОДЕ ИЗ НЕГО В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

Волвенко Алексей Александрович, кандидат исторических наук, доцент, заместитель директора по научной работе и проектной деятельности Таганрогского института имени А. П. Чехова, филиала Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования Ростовского государственного экономического университета (ПИХ); avolvenko@mail.ru

Аннотация. Вопрос о том, кто мог «сделаться» казаком, не являясь им по «природе», впервые был озвучен в литературе в 1860-х гг. На сегодняшний день он имеет свою историографию, краткий обзор которой представлен в настоящей статье. Во II пол. XIX в. упомянутый вопрос перешел в практическую область и выразился во мнениях чиновников, участвовавших в подготовке различных проектов, затрагивающих сословный статус казачества, как не реализованных на законодательном уровне, так и нашедших свое воплощение в конкретных правовых нормах. Среди последних особое место занимают закон от 21 апреля 1869 г., вводивший универсальные для всех казачьих войск нормы выхода из войскового сословия и перехода в него, а также «Положение о службе казаков вне своих войск, о выходе из войскового сословия и о зачислении в оное» от 19 января 1883 г., значительно корректирующее нормы предыдущего акта в сторону их ужесточения. В статье рассматриваются правовые основы зачисления в войсковое казачье сословие и выхода из него, принятые в Российской империи с XVIII в., с акцентом на обсуждении этих основ в Военном министерстве, войсковых администрациях и среди казачества в 1860–1880-х гг., и отразившихся в законе 1869 г. и Положении 1883 года. В исследова-

Volvenko Alexey Alexandrovich, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Deputy Director for Research and Project Activities of the Taganrog Institute of A. P. Chekhov, Branch of Federal Statefunded Educational Institution of the Higher Education of the Rostov State Economic University (RINH); avolvenko@mail.ru

Abstract. Who could “become” a Cossack without being one by “nature”? This question was first raised in literature in the 1860s. The article focuses on the historiography of this problem. Issue about “become” a Cossack passed into the practical area in the second half of XIX century. It was expressed in the opinions of officials who participated in the preparation of various projects affecting the class status of the Cossacks. But not all of these projects were implemented at the legislative level. The most important realized initiatives were the law of April 21, 1869 and the Regulations on the service of Cossacks outside their troops, on leaving the military class and on enlisting in it dated January 19, 1883. According to the first law, universal norms for leaving the military class and transitioning to it were introduced for all Cossack host. The subsequent “Regulations” modified the norms of the previous act towards their harder line. The article discusses the legal basis for enlisting in the military Cossack class and leaving it, adopted in the Russian Empire since the 18th century. The emphasis is on the discussion of these foundations in the War Ministry, military administrations and among the Cossacks in the 1860–1880s. The question of how the law of 1869 and the Regulations of 1883 affected the discussion is considered. It is concluded that cases of both exclusion and en-

нии делается вывод о том, что такие случаи исключения из казачества, как и зачисления в него во II пол. XIX — нач. XX в., как правило, имели семейно-бытового природу, социально-экономическую или образовательную подоплеку, носили символический характер, при этом не отличаясь массовостью.

Ключевые слова: казачество, сословный статус, зачисление в казаки, выход из войскового сословия.

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-00653, <https://rscf.ru/project/23-28-00653/>

DOI: 10.33280/3034-3216.2024.10.29.002

rollment from the Cossacks had a family-domestic nature, socio-economic or educational background. In other words, integration and exclusion were symbolic and not widespread.

Keywords: Cossacks, estate status, enrollment in the Cossacks, exclusion from the Cossack military estate.

Alexey Alexandrovich Volvenko

About the right to enroll in the military cossack estate and about leaving it in the russian empire

The study was supported by the Russian Science Foundation grant № 23-28-00653, <https://rscf.ru/project/23-28-00653/>
Раб.: +7 (8634) 60-53-97, сот.: +7 (904) 447-77-70

В 1862 г. в апрельской книжке журнала «Военный сборник» была опубликована статья донского генерала И. И. Краснова «О народности в Донском войске»¹. Вскоре в «Донских войсковых ведомостях» выходит ответная критическая статья известного на Дону писателя на исторические темы, поэта и учителя Новочеркасской гимназии А. Леонова «Как поступали в казаки?»². Так состоялась первая печатная дискуссия по вопросу о том, кто мог «сделаться» казаком, не являясь им по «природе», и какое значение имело привлечение посторонних в казачьи войска.

И. И. Краснов строил аргументацию вокруг главного тезиса — «...как для поступления в казаки, так и для перехода оттуда, господствовала совершенная свобода». Такая свобода, по его мнению, просуществовала по крайней мере до принятия «Положения об управлении Донского войска» 1835 г., окончательно запротивившего вход-выход в/из казачьего сословия. Как утверждал И. И. Краснов, это было сделано властью сознательно. В своем решении она руководствовалась «убеждением, что замкнутость Войска Донского необходима для поддержания в нем элементов народности», а также необходимостью «сбережения чистой казачьей крови»³. В противовес генеральской концепции А. Леонов в первых же строках своей статьи заявляет о том, что «...совершенной свободы вступления в Войско, в звание казака, никогда

1 Краснов И. И. О народности в Донском войске // Военный сборник. 1862. № 4. С. 343–356.

2 Леонов А. А. Как поступали в казаки? // Донские войсковые ведомости, 1862. № 39, 40.

3 Краснов И. И. О народности в Донском войске... С. 345–346, 355–356.

не было». Фактов проживания и поселения казаков в пределах войска А. Леонов, конечно, не исключает, но «это совсем не то, что вступить в Войско и сделаться казаком, пользуясь соединенными с тем личными и поземельными правами». Для А. Леонова образование «Войска» — это рубеж, до которого «может быть и существовал свободный вход и выход в казаки», а после — «Войско принимало к себе, в число своих членов только того, кого оно само хотело принять; давало звание казака тому, кому оно можно было дать и кого оно считало достойным того»⁴.

Упомянутая дискуссия разворачивалась на фоне общественно-политической ситуации, сложившейся на Дону в нач. 1860-х гг. под влиянием отмены крепостного права и слухов о новом «гражданском» курсе Военного министерства в отношении казачества. Дело в том, что до 1861 г. донские крепостные крестьяне, выкупившиеся на свободу, согласно действующему законодательству, «должны были поступать не иначе как в казаки»⁵. Это право сохранялось за крестьянами и после 19 февраля 1861 г., но без обязанности «поступления в казаки». Таким образом, власти неизбежно должны были столкнуться как с возможным ростом численности Донского войска, так и с увеличением бюрократической волокиты. Одним же из центральных пунктов упомянутого нового курса, очертания которого были заложены в известном докладе военного министра Д. А. Милютина к Александру II от 15 января 1862 г., было желание сделать более эластичными словесные границы казачества путем «уничтожения замкнутости их (казаков. — А. В.) положения»⁶.

Печатный спор донских «литераторов» не получил продолжения в публичном пространстве. Поднятый ими вопрос в 1860–1880-х гг. перешел в более практическую область и выразился во мнениях чиновников, которые участвовали в подготовке различных проектов, затрагивающих сословный статус казачества, как не реализованных на законодательном уровне, так и нашедших свое воплощение в конкретных правовых нормах. Среди последних особое место занимают закон от 21 апреля 1869 г.,

4 Леонов А. А. Как поступали в казаки?

5 О помещичьих крестьянах в Войске Донском, увольняемых или отсуждаемых на свободу // ПСЗ 2-е собр. СПб., 1852. Т. 26. Отд. 1. № 25198. С. 345–346.

6 Столетие Военного министерства 1802–1902. Приложения к историческому очерку развития военного управления в России. СПб., 1902. Ч. 1. С. 167.

вводивший универсальные для всех казачьих войск нормы выхода из войскового сословия и перехода в него⁷, а также «Положение о службе казаков вне своих войск, о выходе из войскового сословия и о зачислении в оное» от 19 января 1883 г.⁸, значительно корректирующее нормы предыдущего акта в сторону ужесточения.

Наиболее развернутая характеристика упомянутых документов в дореволюционный период встречается в 11-м томе «Столетия Военного министерства». В нем также приведены примеры перехода в казачье сословие представителей различных групп населения империи XVI–XIX вв., а также потери казачьего статуса как отдельными казаками, казачьими семьями или народностями, числившимися иррегулярными/казачьими, так и целыми станицами и даже некоторыми войсками⁹. В многочисленных историко-статистических исследованиях II пол. XIX — нач. XX в., посвященных отдельным казачьим войскам, а также продвижению казачье-крестьянской колонизации, заметен уклон в сторону освещения темы пополнения казачьих сообществ¹⁰. Этот уклон вполне закономерен и объясняется объективным процессом расширения империи и необходимостью обеспечения безопасности ее границ, для чего и требовались казачьи части в достаточном количестве. В нач. XX в. в публицистике становится актуальным обсуждение казачьей сословной замкнутости и ее негативного влияния на социально-экономический уклад их жизни. Ее образчиком можно считать слова донского уроженца, местного журналиста, одного из постоянных авторов «Русского богатства» С. Я. Арефина. В 1906 г. в очерке «Донские казаки», характеризующая современное

7 Об освобождении казачьих офицеров и чиновников от обязательной службы, о дозволении лицам казачьего сословия исключаться из оно́го, перечисляться в другие войска и служить вне своих войск, и о зачислении в казачьи войска лиц невойскового сословия // ПСЗ 2-собр. СПб., 1873. Т. 44. Отд. 1. № 46998. С. 356–357.

8 Сборник правительственных распоряжений по казачьим войскам. СПб., 1884. Т. 19. Ч. 1. С. 1–9.

9 Столетие Военного министерства 1802–1902. Главное управление казачьих войск. Исторический очерк. СПб., 1902. Т. 11. Ч. 1. С. 12, 27, 43.

10 Караулов М. А. Терское казачество. М., 2008. С. 291–293; Леденев Н. В. История Семиреченского казачьего войска. Верный, 1909. С. 646–662; Хорошхин М. П. Казачьи войска. Опыт военно-статистического описания. СПб., 1891. С. 167–168; Скворцов В. В. Историко-статистический очерк Астраханского казачьего войска. Саратов, 1890. С. 154–156.

их состояние, С. Я. Арефин писал: «Казачество закрепощено за Военным министерством и из области (Донской. — А. В.) создано своего рода “гетто” со своей чертой оседлости. Казак в возрасте до 40 лет не может отлучиться из пределов Донской области более, чем на три месяца»¹¹. Схожей оценки сословно-правового статуса казачества II пол. XIX — нач. XX в. придерживался и С. Г. Сватиков в своей известной книге «Россия и Дон» (Белград, 1924). По его мнению, хотя донское дворянство и освободилось от обязательной службы благодаря закону от 21 апреля 1869 г., но рядовое «казачество осталось единственным закрепощенным сословием на Руси (как на Дону, так и в других казачьих войсках)»¹².

Советские историки не придавали большого значения условиям «превращения» в казака или выхода из казачьего сословия, в то же время неоднократно фиксируя факты зачисления в казачество в XVI–XIX вв.¹³ Пожалуй, только А. П. Пронштейн подробно разобрал данный вопрос. Он знал и о содержании спора Краснова и Леонова. А. П. Пронштейн утверждал, что до сер. XVII в. «все оказавшиеся на Дону очень легко записывались в число казаков. Для этого требовалось лишь личное желание...» В последующее время для того, чтобы стать казаком, «надо было обзавестись конем, иметь оружие и снаряжение, а для этого требовались определенные средства». Но каких-либо доказательств таким выводам историк не привел¹⁴. Усиление социального расслоения среди казачества и формирование его сословных прав и обязанностей в последней четверти XVII — нач. XVIII в., как считает А. П. Пронштейн, сделали прием в казаки еще более затруднительным и выборочным. «Для этого нужно было прожить на Дону не один год и обзавестись хозяйством, однако и при этом казаком становился только тот, кого причисляли к этому званию на войсковом круге»¹⁵. О выходе из казачества А. П. Пронштейн не упомянул вовсе.

11 Арефин С. Я. Донские казаки // Русское богатство, 1906. Т. 12. С. 138.

12 Сватиков С. Г. Россия и Дон (1549–1917). Исследование по истории государственного и административного права и политических движений. Белград, 1924. С. 369.

13 Заседателева Л. Б. Терские казаки (середина XVI — начало XX вв.): Историко-этнографические очерки. М., 1974. С. 195–226; Никитин Н. И. О происхождении, структуре и социальной природе сообществ русских казаков XVI — середины XVII века // История СССР. 1986. № 4. С. 174–177.

14 Пронштейн А. П. Земля Донская в XVIII веке. Ростов-на-Дону, 1961. С. 111–112.

15 Там же. С. 112.

В современной историографии право на поступление в войсковое казачье сословие и о выходе из него изучается в контексте эволюции социальной стратификации в Российской империи¹⁶, а также в историко-юридических работах, посвященных правовой регламентации казачьей жизни и службы XVI–XX вв., обычному праву и положению казачьих территорий в государственно-правовом пространстве России¹⁷. В трудах историков, занимающихся анализом этноконфессионального состава казачества, больше описывается зачисление в казачье сословие при формировании или пополнении казачьих войск особенно на Кавказе, в Сибири, в Средней Азии и на Дальнем Востоке¹⁸. О порядке выхода из казачества современные историки, публицисты и казацкие активисты упоминают, как правило, при попытках распространить понятие «расказачивание» на дореволюционный, в основном, позднейимперский период¹⁹. Зачастую такие попытки не отличаются исследовательской глубиной и политически ангажированы.

-
- 16 Границы и маркеры социальной стратификации России XVII–XX вв.: векторы исследования. СПб., 2018. С. 210–264; *Иванова Н. А., Желтова В. П.* Сословное общество Российской империи (XVIII — начало XX века). М., 2010. С. 515–546.
- 17 *Морозов А. Е.* Соотношение этнических и социальных компонентов в процессе становления и развития казачества: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Ставрополь, 1998; *Куксенко Е. И.* Эволюция обычного права донских казаков: XVI — начало XIX вв.: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ростов-на-Дону, 2005; *Паршина Н. В.* Особенности общественного устройства и земельных отношений казачества юга России: XV — начало XX вв. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2013; *Рогова С. В.* Обычное право в системе регулирования общественных отношений у донского казачества (XVI — начало XX вв.) (историко-правовое исследование): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2010.
- 18 См. обзор подобных трудов: *Годовова Е. В., Васильев И. Ю.* Обзор современных публикаций, посвященных исследованию этнического состава казачьих войск // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2019. Т. 25. № 3. С. 7–15.
- 19 *Юрченко И. Ю.* Проблема расказачивания в новейшей историографии: история изучения, юридические и политические аспекты, библиография и статистика публикаций // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения. 2019. Т. 24. № 4. С. 224–234; «Чтобы быть казаком, недостаточно крови» Где и как живут в России настоящие казаки? // Lenta.ru. URL: <https://lenta.ru/articles/2021/07/05/kuban/> (дата обращения: 01.12.2023); Проекты расказачивания казачьих войск до 1917 года // URL: <https://karabai96.livejournal.com/124449.html> (дата обращения: 01.12.2023); *Шамбаров В. И.* Либералы и расказачивание // Библиотека электронной литературы в формате fd2. URL: <https://litres.ru/chitat/ru/%D0%A8/shambarov-valerij-evgenjevich/kazachestvo-istoriya-voifnoj-rusi/57> (дата обращения: 01.12.2023).

В этой статье мы рассмотрим правовые основы зачисления в войсковое казачье сословие и выхода из него, принятые в Российской империи, с акцентом на обсуждении этих основ в Военном министерстве, войсковых администрациях и среди казачества в 1860–1880-х гг., и отразившиеся в законе от 21 апреля 1869 г. и Положении 1883 г.

Однако вернемся к дискуссии И. И. Краснова и А. Леонова. Их аргументация, судя по всему, основывалась на личных наблюдениях и жизненном опыте, на известных им исторических знаниях, прецедентах из обычного права, а также преданиях, распространенных в казачьей среде. Источниковедческая база, вероятно, была шире все же у А. Леонова²⁰. При этом ни один из спорящих почему-то не апеллировал к имперскому законодательству, за исключением ссылок И. И. Краснова на Положение о Донском войске 1835 г. Скорее всего, они не имели доступа к томам полного собрания законов (далее — ПСЗ) Российской империи или, возможно, вообще не считали веским доказательством правовые нормы, принятые когда-то центральной властью. Какая из позиций спорящих была более близка к исторической действительности? Мы ответим на этот вопрос в духе известного выражения об «истине, лежащей посередине». Дело в том, что в основе убежденности Краснова и Леонова в правильности своих взглядов лежит еще и «политическая» мотивация, что делает их мнения крайне непримиримыми и пристрастными. Краснов являлся лидером донских «прогрессистов», сторонников преобразований в казачьей среде, в том числе сословной открытости казачества. Леонов, напротив, являлся рупором «казакоманов», выступающих за неприкосновенность казачьих прав и привилегий и возрождение традиционных казачьих основ управления²¹. Вместе с тем даже беглый анализ ПСЗ 1-го и 2-го изданий говорит о сложности и неоднозначности поднятой донскими литераторами темы.

20 Леонов А. Краткая опись некоторых из числа хранящихся в Старочеркасской соборной церкви актов (составлена в 1849 г.) // Донские войсковые ведомости. 1853. 6 мая (№ 17). С. 73–76; 13 мая (№ 18). С. 80–82; 20 мая (№ 19). С. 84–87; 27 мая (№ 20). С. 88–89; 3 июня (№ 21). С. 92–95; 10 июня (№ 22). С. 96–98.

21 Volvenko A. A. Kazakomanstvo. Don case (the 1860s). Part III // Russkaya Starina. 2015. № 3 (15). P. 196–197.

В ПСЗ II пол. XVII–XVIII вв. отражена упорная борьба имперских властей с несанкционированным массовым приемом беглых на казачьих территориях, зачисления же в казаки происходили эпизодически²². С нач. XIX в. число законодательных актов, фиксирующих переходы в казачество представителей других сословий империи, постоянно растет и особенно в период централизованных кампаний по укреплению количественного состава Кавказских казачьих войск, Оренбургского и Сибирского войск. В правовых нормах, закрепляющих такие переходы, в большинстве случаев используется выражение «зачислить в казачье сословие / в казачье войско». Встречаются также и такие словосочетания, как «обращение в (сословие) казаков», «обращение в казачье звание/состояние» и совсем редко — «принимать в войско / в казаки». Если обобщить законодательные акты и оставить за пределами внимания незначительные прецеденты, то правом на зачисление в казаки могли воспользоваться следующие категории населения: «донские крестьяне, отпускаемые владельцами на волю целыми селениями или целыми частями селений», «крестьяне, выкупившиеся на свободу из помещичьих имений» (обязаны поступать «не иначе, как в казаки»); «воспитанники казачьих семей неизвестного происхождения»; «незаконноприжитые казачьими женами и девками дети»; «дети солдатских вдов, вышедших замуж за казака»; «дети порочных нижних чинов, отправленных в Восточную Сибирь»; «женатые нижние чины регулярной армии»; «нижние чины регулярной армии для совместной службы с поступившими в казачьи войска отцами и братьями»; «люди, не принадлежащие ни к какому сословию»; «вольнотпущенные по узаконенным бесспорным актам»; «получившие свободу по окончательным решениям судебных мест»; «мещане по увольнительным свидетельствам обществ, где они записаны»; «малороссийские казаки, однодворцы, казенные и государственные крестьяне, а также зашедшие туда (в «Малороссию». — В. А.) раскольники казенного ведомства»; «азиатцы разного наименования»; «дворяне... на условиях определения не иначе как нижними чинами, навсегда с потомством,

22 Выходцев из Салтан-Аульского народа, пленных Кабардинцев и Магометан, которые в казаки поступить пожелают, отсылать в Донские и Волжские казачьи городки // Полное собрание законов (далее — ПСЗ) 1-е собр. СПб., 1830. Т. 11. № 8696. С. 753-754.

крепостных или дворовых людей своих не перевода в войско». Для того, чтобы по решению правительства формально «стать» казаком, требовалось соблюсти определенные, но довольно простые условия: быть официально переименованным (т. е. в делопроизводственных бумагах упоминаться казаком), исключиться из подушного оклада и записаться на службу в казачьи полки.

Примеров выхода из казачества в XVII–XVIII вв. ПСЗ не знает, а в I пол. XIX в. их насчитывается всего два! Один из них довольно известен. В 1819 г. 467 казаков — торговых татар Каргалинской станции Оренбургского войска как «вовсе неспособных к службе» было решено исключить «из казачьего звания и обратиться в податное состояние в такой род жизни, какой сами они изберут»²³. Второй эпизод менее известен, но он весьма показателен. В 1815 г. Саратовская казенная палата причислила в мещане казаков Астраханского казачьего войска Якова и Петра Догадиных, а также Федора Соколова. Они были записаны в мещане по собственному желанию. В своем решении палата, помимо ссылок на соответствующие, как ей казалось, по данному вопросу указы и манифесты, руководствовалась еще и наличием у казаков от полка паспортов, в которых говорилось о неспособности их к службе, а также мнением о том, что «если бы они не были причислены в мещанское звание, то не могли бы заниматься мещанским промыслом и были бы лишены сего средства к своему пропитанию». Такое заключение палаты в 1820 г. оспорил командующий войсками в Грузии генерал-лейтенант Вельяминов, в ведении которого находилось Астраханское войско. Вопрос был передан на рассмотрение в министерство финансов, которое признало действия палаты неправильными. Министр финансов Д. А. Гурьев посчитал, что в приведенных палатой «узаконениях нет точного дозволения причислять отставных казаков в податное звание, но что напротив того казаки составляют отдельное сословие, которое пользуясь особыми правами, обязано навсегда нести государственную службу». Более того, по требованию Астраханских войсковых властей казенная

23 Аминов Р. Р. Каргала — татарская казачья станция Оренбургского казачьего войска (1798–1821 гг.) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2014. № 4–2 (42). С. 13–17.

палата собрала сведения о всех имеющихся казаках, поступивших в податное состояние. Таких оказалось 128 чел., некоторые из них были записаны в купечество или мещанство еще с 1764 г. и только трое — после Отечественной войны 1812 г. Саратовский вице-губернатор выступил против их «возвращения в военное ведомство», т. к. «казна лишится значительного дохода в податях». В министерство финансов также поступила просьба от бывших казаков, а теперь саратовских купцов и мещан — домо-владельцев и хозяев фабрик и заводов, — «оставить их с детьми в настоящих званиях». В итоге дело дошло до обсуждения Комитетом министров. И Комитет, воспользовавшись известным благодарственным манифестом Александра I от 30 августа 1814 г.²⁴, решил всех казаков, записанных в купцы и мещане до обнаружения манифеста, оставить в новом их положении, прочих же вернуть в Астраханское войско²⁵.

Конечно, было бы заметным упрощением свести процесс зачисления и выхода в/из казачества только к его отражению в официальном законодательстве. За пределами ПСЗ в ведомственном делопроизводстве, отложившемся в архивных делах, можно найти немало примеров обращения в казачество, в том числе и в XVIII в. Именно их и воспроизводит А. П. Пронштейн в своей известной книге «Земля Донская в XVIII веке». По его данным, «малороссияне» и «оземейные» («приписные» и «зажилые») люди, разными способами оказавшиеся на Дону, имели возможность перейти в казачество, но только после санкции правительства и «ежели только по точному станицы той, в коей они жительствуют, сведению, исправны они своим поведением и по расторопности и промыслам их или художеству надежным сочтены будут на употребление в службу»²⁶. При этом практически в каждом документально зафиксированном случае зачисления говорилось о личном монаршем разрешении²⁷.

24 Всемиловнейшей Манифест о учреждении крестов для Духовенства, а для Воинства, Дворянства и Купечества медалей и о разных льготах и милостях // ПСЗ 1-е собр. СПб., 1830. Т. 32. № 25671. С. 906–910.

25 Об обращении в военное ведомство Астраханских казаков, поступивших в купеческая и другие податные звания, после состояния Манифеста 1814 Августа 30 дня // ПСЗ 1-е собр. СПб., 1830. Т. 37. № 28647. С. 733–735.

26 Пронштейн А. П. Земля Донская в XVIII веке... С. 193.

27 Акты, относящиеся к истории Войска Донского, собранные генерал-майором А. А. Лишиным. Новочеркасск, 1894. Т. 2. Ч. 1. С. 123; Т. 3. С. 77.

Массовый переход в казаки на Дону произошел в 1787–1791 гг. в период русско-турецкой войны. Г. А. Потемкин, имея широкие полномочия, решил укрепить русскую армию, в том числе за счет экстраординарного увеличения рядов Донского войска²⁸. К 1792 г., по сведениям войскового атамана А. И. Иловайского, было приписано в донские казаки 1703 человека. Всего же за последнюю четверть XVIII в. было принято в Донское войско 4453 человека²⁹. Важным рубежом в истории зачисления в донское казачество стал именной указ Александра I к войсковому атаману М. И. Платову от 8 августа 1811 г., запрещающий «записывать на службу никакого звания людей, не принадлежащих к Донскому войску, а принятых же до ныне [приказывающий] выключить всех из списков»³⁰. Правда, уже через месяц с небольшим М. И. Платову удалось провести через Государственный совет решение «переименовать в казаки и исключить из подушного оклада» 3836 «малороссиян», по ревизии 1795 г. проживающих в донских станицах³¹. Но этот случай стал последним масштабным пополнением Войска Донского.

Очевидно, что количество зачисляемых в казаки, как и динамика этого процесса, в разное время и по разным войскам должны быть разными и зависеть от многих обстоятельств. Более того, следует четко различать переход в «природные» казаки (бывшее вольное казачество) и «верстание» в служилое казачество Сибири XVII–XVIII вв.³² Бросающуюся же в глаза диспропорцию между обращаемыми в казаки и вышедшими из казачьего сословия можно объяснить следующим образом. За обладание казачьими привилегиями претенденту приходилось нести на себе всю тяжесть обязательной военной службы, в то же время выход из казачества, а точнее переход в иное сословное состояние, освобождал от службы, но приносил помимо новых

28 Дружинина Е. И. Северное Причерноморье в 1775–1800 гг. М., 1959. С. 187–191.

29 Пронштейн А. П. Земля Донская в XVIII веке... С. 193.

30 О не записывании и выключке из списков записанных в казачьи полки людей, не принадлежащих к Донскому войску // ПСЗ 1-е собр. СПб., 1830. Т. 31. № 24742а. С. 822–823.

31 Об обращении в казачье звание Малороссиян, поселившихся на Дону, и об исключении их из подушного оклада // ПСЗ 1-е собр. СПб., 1830. Т. 31. № 24771. С. 840.

32 Никитин Н. И. Служилые люди в Западной Сибири XVII века. Новосибирск, 1988. С. 78–90; Недбай Ю. Г. Казачество Западной Сибири в эпоху Петра Великого. Омск, 1998. С. 52–82.

сословных прав еще и податный статус. Видимо, у склоняющихся к тому или иному решению податное положение выглядело менее предпочтительным, чем даже риск потерять жизнь на войне, а казачьи привилегии не уступали по своему качеству правам иных социальных групп, а где-то и превосходили их. Независимо от того, какое принималось решение, механизм и контроль над его исполнением в XVIII — нач. XX в. находились в руках государства. Именно государство способствовало постепенной сословизации вольного казачества, пытаясь соблюсти баланс интересов между рядовыми его членами и верхушкой в лице дворян-чиновников. Этот баланс был зафиксирован в войсковых положениях 1830–1840-х гг., регулирующих практически все стороны жизни казачества, в том числе его сословные границы. В Положениях о Донском и Астраханском войсках прием посторонних лиц в казаки запрещался. Причем донское положение обосновывало запрет прямой ссылкой на упомянутый выше именной указ Александра I от 8 августа 1811 г., а астраханское обошлось следующей фразой: «...по недостатку в войске земель прием в оное сторонних лиц впредь воспрещается»³³. В положениях о Черноморском, Кавказском линейном, Оренбургском и Сибирском войсках, однотипных по форме, в главе «Народонаселение войска» подробно перечислялись категории населения, которые «войско может принимать в свое сословие»³⁴. Для Уральского и Азовского войск, не имеющих отдельных положений, в действующем законодательстве были предусмотрены соответствующие нормы, регламентирующие прием в казаки³⁵.

33 Положение об управлении Донского войска. СПб., 1835. С. 159; Положение об Астраханском казачьем войске // ПСЗ 2-собр. СПб., 1846. Т. 20. Отд. 1. С. 81.

34 Положение о Черноморском казачьем войске 1842 г. СПб., 1842. С. 7–8; Положение о Кавказском Линейном казачьем войске // ПСЗ 2-собр. СПб., 1846. Т. 20. Отд. 1. С. 187; Положение об Оренбургском казачьем войске // ПСЗ 2-собр. СПб., 1841. Т. 15. Отд. 1. С. 799–801. Положение о Сибирском линейном казачьем войске 1846 г. СПб., 1847. С. 2–3.

35 Сравнение приписанных в Уральское казачье войско разного звания людей во всех преимуществах с казаками сего войска // ПСЗ 2-собр. СПб., 1836. Т. 10. Отд. 1. № 8306. С. 810–811; Правила, на основании коих разрешаются принимать в казачье сословие Уральского войска Башкирцев, Киргизов и других азиатцев. ПСЗ 2-собр. СПб., 1849. Т. 23. Отд. 1. № 22497. С. 514; Оставление в Уральском казачьем сословию законнорожденных и незаконнорожденных сыновей. ПСЗ 2-собр. СПб., 1850. Т. 24. Отд. 1. № 23046. С. 117–118; Оставление в Азовском казачьем сословию сыновей солдаток, вышедших в замужество за казаков // ПСЗ 2-собр. СПб., 1836. Т. 10. Отд. 1. № 7986. С. 264; О причислении в Азовское казачье войско отставных нижних чинов хорошего поведения. ПСЗ 2-собр. СПб., 1839. Т. 13. Отд. 2. № 11714. С. 285;

Категорический запрет донского положения на обращение в казаки представителей других сословий был нарушен в 1851 г. принятием закона «О помещичьих крестьянах в Войске Донском, увольняемых или отсуждаемых на свободу»³⁶. Согласно ему, крестьяне, отпущенные их владельцами на волю «целыми селениями или частями селений», получали право зачисляться в казаки или в государственные крестьяне, а помещичьи крестьяне, выкупившиеся на свободу, вообще должны были «поступить не иначе, как в казаки». Такие крестьяне прикреплялись к станицам «по избранию их, с согласия станичного общества» с предоставлением «30-десятиного довольствия юртовыми землями и 2-х лет льготы от службы для устройства на новых местах жительства». Мы не располагаем данными по количеству воспользовавшихся этим законом, как и другими актами, позволяющими попасть в казаки инициативно, а не в рамках каких-то централизованных кампаний. Скорее всего такой учет до сер. XIX в. Военным министерством не велся. Но нам точно известно, что процесс зачисления был длительным и крайне забюрократизированным. В этом смысле весьма показательным делом братьев Гагулиных, проживавших в Дуткиной слободе Донецкого округа Земли Войска Донского, которые в ноябре 1861 г. обратились в Военное министерство с просьбой о зачислении в донские казаки. Дело Гагулиных неоднократно пересматривалось, обросло ведомственной перепиской, пока не выяснилось, что их предок был женат на казачке и по ошибке в 1846 г. был приписан к крестьянам. Это обстоятельство и стало основанием высочайшего соизволения принять братьев Гагулиных в казаки в декабре 1865 г.³⁷

Наличие подобных дел и легко предсказуемый их рост в связи с грядущей отменой крепостного права подтолкнули военного министра Н. О. Сухозанета 27 октября 1860 г. поставить перед Управлением иррегулярных войск (УИВ, с 1867 г. Главное управление иррегулярных войск — ГУИВ, с 1879 г. Главное

Устройство цыган, причисленных к Азовскому казачьему войску. ПСЗ 2-собр. СПб., 1851. Т. 25. Отд. 1. № 24114. С. 408-409.

36 О помещичьих крестьянах в Войске Донском, увольняемых или отсуждаемых на свободу // ПСЗ 2-е собр. СПб., 1852. Т. 26. Отд. 1. № 25198. С. 345-346.

37 О зачислении в казачье сословие бывших крепостных крестьян // Государственный архив Ростовской области (ГАРО). Ф. 46. Оп. 1. Д. 648. Л. 2, 7, 51-51 об.

управление казачьих войск — ГУКВ) задачу, «чтобы в видах сокращения огромной переписки по предмету зачисления в казачье сословие желающих того лиц посторонних ведомств, предоставить Главным начальникам казачьих войск власть окончательно разрешать зачисление в казачье сословие тех из лиц, кои добровольно изъявляют свое согласие и на переход коих прежнее их начальство не встретит препятствий»³⁸. Чиновники УИВ разослали по казачьим войскам соответствующий запрос, дополнительно предложив при ответе на него исходить из «действительной надобности в войске зачисляемых людей; возможности надела их землю; наличия средств их к переселению, прочному водворению в войсках и обзаведением всем, что требуется для службы, на собственный счет без всяких пособий от войска и от казны»³⁹.

К середине 1861 г. ответы были готовы. Наиболее подробный из них представил донской атаман М. Г. Хомутов. Сославшись на упомянутый выше закон 1851 г., он не увидел препятствий для поступления донских крестьян, в том числе бывших помещичьих, в казаки. Для этого, по мнению М. Г. Хомутова, крестьянин должен был получить согласие полного станичного сбора в письменном виде, передать его на рассмотрение в войсковое правление, а затем на личное одобрение атамана⁴⁰. Такую же процедуру М. Г. Хомутов предлагал использовать в исключительных случаях и для т. н. иногородних, прием которых в донские казаки формально был запрещен. Все остальные казачьи начальники также высказались за упрощенный порядок зачисления посторонних людей в казаки с незначительными поправками, связанными со спецификой войск⁴¹. Выполнить предложения казачьих руководителей можно было или с помощью издания отдельных актов, или изменив войсковые положения. Военным министерством был избран второй вариант, т. к. он подходил для претворения в жизнь еще более масштабных реформ среди казачества. Решение преобразовательных задач было возложено на местные комитеты по пересмотру войсковых

38 О дозволении выходить и переходить в казачье сословие // Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 330. Оп. 1. Д. 15. Л. 10–10 об.

39 Там же. Л. 13.

40 О дозволении выходить и переходить в казачье сословие // РГВИА. Ф. 330. Оп. 1. Д. 15. Л. 19–19 об.

41 Там же. Л. 24–44.

положений, действовавших почти во всех казачьих войсках с 1860 г. Для того чтобы комитеты работали в «верном» направлении, чиновники УИВ подготовили «Соображения... о главных началах, которые должны быть приняты в руководство при составлении новых положений о казачьих войсках» (1862). И хотя «Соображения...» носили рекомендательный характер, их содержание в полной мере отражало позицию Военного министерства по вопросу о сословных границах казачества в нач. 1860-х гг.

«Соображения...» представляют собой объемный документ, в котором подробно излагалась программа реформ казачества⁴². Одним из центральных ее пунктов являлась идея о разделении казаков на служилых и неслужилых, т. е. освобождаемых от обязательной военной службы (войсковые граждане). Во многом отталкиваясь от этой идеи, авторы «Соображений...» предлагали свое решение вопроса о зачислении в казачество и выходе из него. Причем о последнем в документе говорилось гораздо больше.

«Воспрещение выхода из казачьего сословия лишает казаков права избирать себе место жительства по своему усмотрению, права, которым, с уничтожением крепостной зависимости бывших помещичьих крестьян, пользуются все жители Государства», — такими словами в «Соображениях...» описывается ситуация казачества после 1861 г. Ее разрешение авторам документа виделось в «дозволении свободного выхода и входа» в казачьем обществе, т. к. в этом проявляется «справедливое уважение к личной свободе человека». «Соображения...» декларировали свободный выход из войскового сословия потомственным и личным дворянам казачьего происхождения, а «казакам низшего сословия» — с соблюдением определенных ограничений. «Нельзя опасаться, чтобы генералы, штаб- и обер-офицеры выходили из войска в значительном числе, — утверждалось в «Соображениях...», — любовь к родине, семейные связи, интересы по имуществу и возможность во всякое время воспользоваться правом выхода большую часть удержит в войсках».

42 Соображения... о главных началах, которые должны быть приняты в руководство при составлении новых положений о казачьих войсках // Отдел рукописей Российской государственной библиотеки (ОР РГБ). Ф. 169. Карт. 23. Ед. хр. 20. С. 1-32 (Л. 1-16).

В документе пояснялось, что право на освобождение от обязательной военной службы не подразумевает автоматического выхода из казачьего сословия, т. к. возможен переход в разряд не служивших казаков для «образования в войске классов полезных граждан». Что касается приема в казачество, то «Соображения...» повторяли существующие требования в виде наличия обязательного согласия станичного общества и наказного атамана. Также в документе упоминались желающие «поселиться в казачьих пределах без зачисления в казачье гражданство». По мнению авторов-составителей «Соображений...», «прием посторонних людей в казачью военную службу принесет ту пользу, что привлечет в ряды войск молодых людей, способных к казачьей службе и чувствующих к ней склонность, и доставит возможность освободиться от службы тем казакам, которые к ней малоспособны и желали бы обратиться к другому роду жизни». Все поступающие в казачье сословие не для военной службы, а «для зачисления в местное гражданство, а также потомство казаков, уволенных от обязательной военной службы», согласно «Соображениям...» должны были продолжать исполнять денежные и натуральные повинности, оставшиеся от их предыдущего сословного состояния⁴³.

Почему центральная власть сделала сознательный упор на проработке условий, требующихся для выхода из казачьего сословия? На наш взгляд, ответ следует искать в первую очередь в финансово-экономической подоплеке планируемых преобразований среди казачества. Они, как и другие реформы военного министра Д. А. Милютина, проводились в условиях огромного дефицита бюджета империи. В упомянутом в начале статьи вышестоящем докладе от 15 января 1862 г. было сказано о том, что иррегулярные/казачьи войска «не обходятся нам даром», а казачьи территории «многолюдные и богатые... остаются в исключительном положении, обложенные одной податью — поголовной военной службой». И хотя далее говорится о «неуместности соображений... в какой степени существование казачьих войск... доставляет государству выгоды и в отношении экономическом,

43 Соображения... о главных началах, которые должны быть приняты в руководство при составлении новых положений о казачьих войсках // ОР РГБ. Ф. 169. Карт. 23. Ед. хр. 20. Л. 3-3 об., 7, 9.

и в отношении политическом»⁴⁴, основной посыл доклада легко угадывается: возможная оптимизация численности казачества за счет исключенных из сословия, а также перешедших в разряд «войсковых граждан» пойдет на пользу государственной казне, т. к. расходы на казачьи войска уменьшатся, а количество налогоплательщиков увеличится. Стоит также рассмотреть и объяснение духовно-нравственного характера. Среди авторов доклада находились офицеры УИВ казачьего происхождения, которые отличались прогрессивными взглядами. Весьма вероятно, отмена крепостного права актуализировала для них понятие «вольности/свободы», которое в ранней истории казачества являлось коренным в их укладе жизни. Как нам представляется, офицеры УИВ, осмысливая концепцию реформ, именно через обретение казачеством «свободы» видели его экономическое процветание, в конечном счете выгодное и государству. Не даром в «Соображениях...», где идеи, заложенные в высочайшем докладе, были прописаны подробнее, важное место уделяется «личной свободе человека».

Местные комитеты по пересмотру войсковых положений по-разному отнеслись к рекомендациям «Соображений...». В проекте положения Донского комитета право выхода из войскового сословия закреплялось за казаками лично или с потомством навсегда с обязательным перечислением в другие сословия империи. Служилые казаки также имели возможность покинуть свое сословие, но при условии, чтобы общее «число служилых казаков было бы всегда достаточно для формирования определенных законом строевых частей». Решившиеся перейти в другое сословие лишались всех казачьих прав, в том числе земельных. И только донские дворяне — владельцы потомственных земель в случае выхода сохраняли их за собой с возможностью отчуждения «не иначе как лицам казачьего сословия». На прием в казачье сословие донской проект вводил строгий запрет⁴⁵. За лаконичными формулировками статей проекта на самом деле скрывается борьба мнений между членами комитета, войсковой администрацией и представителями от станичных обществ

44 Столетие Военного министерства 1802–1902. Приложения к историческому очерку развития военного управления в России. СПб., 1902. Ч. 1. С. 167.

45 Печатный материал // ГАРО. Ф. 243. Оп. 1. Д. 41. Л. 39–42.

и казачьих дворянских организаций, привлекаемых к обсуждению основных положений проекта. Подобная ситуация наблюдалась практически в каждом казачьем войске. Так, например, Сибирский комитет посчитал возможным предоставить некоторым категориям казаков возможности выхода из сословия. В его проекте урядники и казаки, отслужившие установленный законом срок, получали право на переход в другое сословие только лично, без членов семьи мужского пола. Казаки, еще не поступившие на службу или прослужившие только часть положенного срока, также могли воспользоваться этим правом, но только с согласия войскового наказного атамана и станичных обществ при условии «излишка служилых нижних чинов против определенной нормы», а также при получении казаком высшего образования и др. Эти положения проекта не встретили сочувствия депутатского собрания от войска, созванного специально для его рассмотрения. Право выхода казаков из сословия депутатское собрание ограничило обязательным условием — разрешением войскового земского собрания и войскового наказного атамана. Это условие было почти непреодолимым, так как, по мнению современников, земское собрание «скорее будет заботиться об увеличении народонаселения, чем о его уменьшении»⁴⁶. Проект положения Астраханского комитета устанавливал право выхода из войскового сословия для всех офицеров; дворян потомственных и личных (в том числе не имеющих офицерских чинов); всех молодых людей, «окончивших курс наук в высших и средних учебных заведениях; художников, механиков и пр.»; а также для нижних чинов после прохождения строевой службы с семьями, но кроме служащих сыновей. Однако все эти лица обязывались отказаться от своих войсковых земельных владений. Астраханский проект предусматривал вхождение в войско представителей всех сословий государства как с зачислением в казаки, так и без зачисления, но «для несения только военной казачьей службы»⁴⁷. Проект вызвал критику со стороны астраханского наказного атамана Г. В. Молостова, посчитавшего условия по выходу из войска несправедливыми. Он вообще предложил

46 Проект положения о Сибирском казачьем войске // РГВИА. Ф. 330. Оп. 1. Д. 8. Л. 20–44.

47 Проект основных начал положения об Астраханском казачьем войске // РГВИА. Ф. 330. Оп. 1. Д. 45. Л. 74.

внести в проект положения пункт «о выходе из войска целыми обществами». Комитет выступил категорически против этого, «опасаясь, чтобы целые станицы не подали примера к переходу в гражданское состояние»⁴⁸. Генерал-губернатор Восточной Сибири М. С. Корсаков, в ведении которого состояли Забайкальское и Амурское казачьи войска, оспорил статью из забайкальского проекта, предусматривающую переход казаков из служилого класса в категорию войсковых граждан, а также исключение из казачьего сословия⁴⁹. Оренбургский комитет предполагал не предоставлять вышедшим из казачества «права на надел земли и на пользование поземельными выгодами в общих станичных юртах». Такие лица могли проживать в станицах, наряду с теми, которые зачислялись в разряд войсковых граждан, но все они обязывались нести государственные и земские повинности (денежные и натуральные), а также участвовать в рекрутском наборе. Оренбургский комитет вообще выступил с инициативой «не ожидая составления нового положения, рассмотреть и утвердить отдельные предположения о дозволении свободного выхода из войскового сословия и о дозволении принимать людей посторонних в среду войсковых граждан»⁵⁰. Оренбургский и Самарский генерал-губернатор А. П. Безак в целом поддержал местный комитет, результаты деятельности которого почти полностью соответствовали рекомендациям «Соображений...». Таким же близким к пожеланиям УИВ оказался Кубанский проект. В нем в отдельной статье (в отличие от других проектов) утверждалось, что «Кубанское войско образует из себя сословие открытое, как для вступления в оное лиц других состояний, так и для выхода из него войсковых чинов»⁵¹. Правда, если потомственные и личные дворяне из казаков наделялись правом выхода из войскового сословия без всяких ограничений, то выход нижних чинов и их детей как подлежащих обязательной службе, объявлялся правом условным, реализация которого ставилась

48 РГВИА. Ф. 330. Оп. 1. Д. 45. Л. 229.

49 Проект положения о Забайкальском казачьем войске // РГВИА. Ф. 330. Оп. 1. Д. 24. Л. 13.

50 О назначении в Оренбургском казачьем войске нормы служилых казаков и конскрипционной системы // РГВИА. Ф. 330. Оп. 1. Д. 21. Л. 33 об-34.

51 Проект Положения о Кубанском казачьем войске // Государственный архив Краснодарского края. Ф. 249. Оп. 1. Д. 2580. Т. 1-2. Л. 22 об.

в зависимость «от успехов гражданственности на Кавказе». Урядники и казаки, которым все же разрешался выход из войскового сословия, должны были беспорочно провести весь срок полевой и внутренней службы, а также приобрести в личную собственность участок земли не менее 30 дес. внутри войска либо за его пределами. Все вышедшие из сословия лишались общинных привилегий, но сохраняли право на оседлость и недвижимую собственность. Кубанский проект довольно подробно регламентировал процедуру зачисления иногородних в войско. Таким правом могли воспользоваться дворяне потомственные и личные, обязательно поступив предварительно на службу в войско по военной и гражданской части. Исключение допускалось для тех иногородних дворян, которые приобретут в пределах войска земельную собственность в количестве не менее 200 дес. на семейство. Для зачисления дворян в войсковое сословие не требовалось приписки к какой-либо станице и согласия станичных обществ. А вот прием разночинцев в войсковое сословие должен был происходить «не иначе как с согласия станичных обществ и по их общественным приговорам». В целом прием иногородних в войсковое сословие мог осуществляться «при соблюдении 2 главных условий: а) когда население станицы не будет представлять избытка и б) когда в поземельных юртовых довольствиях не будет оказываться значительный недостаток против положенного душевого надела»⁵². При обсуждении Кубанского проекта принципиальных возражений со стороны войсковой администрации и представителей от казачества не последовало. Дело в том, что на стадии разработки проекта 10 мая 1862 г. было утверждено «Положение о заселении предгорий западной части Кавказского хребта кубанскими казаками и другими переселенцами из России»⁵³. С его помощью имперские власти надеялись, во-первых, успокоить кубанское казачество, первоначально сопротивлявшееся ускоренному переселению на бывшие горские земли, во-вторых, заложить основы для успешной колонизации Кавказа на длительный период. Для этого Военное министерство

52 Там же. Л. 34 об.

53 Положение о заселении предгорий западной части Кавказского хребта кубанскими казаками и другими переселенцами из России (утвержденный 10-го мая 1862 года: с приложением других материалов). СПб., 1862.

пошло на пересмотр традиционных казачьих прав и привилегий, включая его сословные границы, что и оказалось зафиксировано в Положении 1862 г. Так как ситуация, складывающаяся на Кубани в 1860-е гг., потребовала массового притока переселенцев на земли, вошедшие в состав Кубанского казачьего войска, в Положении 1862 г. больше внимания уделялось зачислению в казачье сословие. Некоторые из его норм, касающиеся приема и выхода в/из казачества, как раз и перекочевали в Кубанский проект.

Разработанные комитетами проекты так и не были реализованы. Нам уже приходилось не раз писать о том, почему Военное министерство отказалось от созданных на местах новых положений для каждого конкретного казачьего войска и перешло к подготовке отдельных законодательных норм, общих для всех или для большинства войск непосредственно в Санкт-Петербурге⁵⁴. Решением последней задачи занялся открытый при УИВ в октябре 1865 г. Временный комитет по пересмотру казачьих законоположений. Одним из главных направлений его деятельности стала проработка правового «преодоления казачьей сословной замкнутости». По этому поводу 4 июля 1867 г. состоялось специальное заседание Временного комитета, на котором было рассмотрено текущее законодательство, а также проекты новых войсковых положений. В итоге комитет пришел к следующим выводам: «Существующее теперь запрещение казакам выходить из войскового сословия, поддерживая в казачьих войсках обособленность их от прочих частей империи и стесняя отдельные личности в свободном выборе рода жизни и занятий, не может быть признано полезным ни для государства, ни для самих войск, и что поэтому было бы необходимым отменить это запрещение и ... предоставить казакам беспрепятственное перечисление в другие сословия...»⁵⁵. Временный комитет посчитал возможным распространить право «беспрепятственного перечисления» на офицеров, дворян и войсковых граждан, а также на рядовых

54 Волвенко А. А. Донское казачество в правительственной политике эпохи «Великих реформ» (1860–1870-е годы). Часть 2 // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2014. Т. 16. № 3–2. С. 382–391. Volvenko A. A. Interim Committee on Revision of the Cossack Statutes: Organization, Structure, Activity (1865–1872) // *Bylye Gody*. 2018. № 47 (1). P. 280–291.

55 О дозволении выходить и переходить в казачье сословие // РГВИА. Ф. 330. Оп. 1. Д. 15. Л. 118.

казаков, у которых уже закончился обязательный срок службы. Так как казачество имеет «преимущество относительно поземельного надела, освобождения от рекрутства и от платежей податей», комитет не нашел оснований опасаться значительной убыли в войсках. Тем не менее он все же решил «подстраховаться» в этом вопросе и для «малолеток» (молодых казаков призывного возраста) из войсковых граждан, а также отставных казаков, оговорил условие для выхода в виде обязательного согласия со стороны войскового начальства. Этим, по словам Временного комитета, и должна ограничиваться «вся формальность производства дел по просьбам об исключении из казачьего сословия...»⁵⁶.

Таким образом, в комитете остались верны идеям, заложенным еще в «Соображениях...» 1862 г. Причем одну из них, пожалуй, наиболее важную, удалось воплотить в жизнь буквально накануне рассматриваемого заседания. 1 июля 1867 г. было утверждено «Положение о военном составе Оренбургского казачьего войска»⁵⁷. В его основе находилась конскрипционная (жеребьевая) система комплектования, которая позволила появиться категории неслужилых казаков или войсковых граждан. Собственно поэтому Временный комитет и упоминал о войсковых гражданах как о уже существующей категории казачьего населения. Комитет выразил уверенность, что в Войске Донском, в отличие от Оренбургского и других войск, сохранится прежний очерёдный порядок комплектования частей. В связи с этим, он предложил «донским войсковым обывателям» выходить из казачьего сословия исключительно с разрешения войскового начальства, «с тем только, чтобы общее по войску число нижних чинов служилого класса было всегда достаточно для формирования строевых частей»⁵⁸. Также Временный комитет высказался по вопросу о зачислении в казачьи войска. По его мнению, не существует никаких оснований к увеличению «привилегированных классов», в том числе и этого. «Допущение свободного и неограниченного зачисления в казачье сословие... — отмечали

56 Там же.

57 Положение о военном составе Оренбургского казачьего войска, сроках службы строевых частей и о способах их комплектования // ПСЗ-2 собр. СПб., 1871. Т. 42. Отд. 1. № 44787. С. 1113-1118.

58 О дозволении выходить и переходить в казачье сословие // РГВИА. Ф. 330. Оп. 1. Д. 15. Л. 118-118 об.

члены комитета — не говоря уже о стеснении станичных обществ в поземельных довольствиях, могло бы иметь еще и ту невыгодную для государства сторону, что дало бы многим повод искать зачисления в казачество с единственной целью — избавиться от платежа податей и от рекрутства»⁵⁹. Здесь Временный комитет допустил отступление от духа «Соображений...» и, особенно, от Положения 1862 г. Думается, это было сделано по нескольким причинам. Комитет с 1867 г. одновременно работал над проектом закона «О дозволении Русским подданным невойскового сословия селиться и приобретать собственность в землях казачьих войск», который был принят в апреле 1868 г.⁶⁰ Согласно ему, иногородние могли свободно «водворяться» в казачьих войсках и приобретать в их пределах недвижимую собственность.

Т. е. решалась проблема т. н. казачьей замкнутости, одна из главных целей преобразований Военного министерства. К тому же к сер. 1860-х гг. утратила свою остроту ситуация с переселенцами на Кавказ. 18 декабря 1865 г. было приостановлено зачисление в Кубанское казачье войско лиц, не принадлежащих к войсковому сословию⁶¹. Начальник УИВ Н. И. Карлгоф буквально сразу после принятия закона «О дозволении Русским поданным...» обратился с письмом в администрацию Войска Донского, в котором предложил «отказывать в просьбах о зачислении в казачье сословие, за исключением особо уважительных случаев». Его аргументы повторяли доводы Временного комитета. Более того, Н. И. Карлгоф недвусмысленно констатировал: «...казачье сословие есть привилегированное... и поэтому для государства было бы невыгодно увеличивать состав казачьего населения, чем будет уменьшаться без надобности податное сословия»⁶². Донские власти и лично атаман М. И. Чертков в своем ответе на послание начальника УИВ заняли взвешенную позицию. Сославшись на существующие условия приема в казаки бывших

59 РГВИА. Ф. 330. Оп. 1. Д. 15. Л. 118–118 об.

60 О дозволении Русским подданным не войскового сословия селиться и приобретать собственность в землях казачьих войск // ПСЗ 2-е собр. СПб., 1873. Т. 43. Отд. 1. № 45785. С. 473–474.

61 О дозволении выходить и переходить в казачье сословие // РГВИА. Ф. 330. Оп. 1. Д. 15. Л. 199.

62 Об ограничении приема в казачье сословие иногороднего населения // ГАРО. Ф. 46. Оп. 1. Д. 894. Л. 1–2.

донских помещичьих крестьян и иногородних⁶³, они заявили, что случаи зачисления «не могут быть многочисленны, следовательно, и ущерб казенным интересам... не может быть велик... нельзя опасаться и земельных стеснений, т. к. все зависит от согласия станичных обществ»⁶⁴.

На основе материалов июльского заседания Временный комитет разработал соответствующие «правила» (всего 6 статей) о выходе из казачества, с добавлением пункта «об исключении целых станиц, хуторов или выселков, по желанию, из состава казачьих войск...», а также о зачислении иногородних в казаки⁶⁵. Эти правила затем прошли длительную процедуру согласования. Сначала они были одобрены Военным советом при Военном министерстве, затем легли на стол Главноуправляющему II отделения Собственной Е. И. В. канцелярии. После его замечаний правила, подрощие количеством статей, поступили в Государственный совет. Последний рассматривал их с февраля по март 1869 г., его окончательное мнение и утвердил Александр II 21 апреля 1869 г. в виде закона «Об освобождении казачьих офицеров и чиновников от обязательной службы, о дозволении лицам казачьего сословия исключаться из иног, перечисляться в другие войска и служить вне своих войск, и о зачислении в казачьи войска лиц невойскового сословия»⁶⁶.

Закон состоял из 10 статей, более подробных по сравнению с первоначальными статьями правил. Из него выпал пункт «об исключении целых станиц, хуторов или выселков...», зато добавилась статья об освобождении от обязательной службы генералов, штаб- и обер-офицеров, а также чиновников казачьих войск (ст. 1). Данные лица, оставаясь в войсковом сословии, теперь могли поступать на службу вне своих войск, перечисляться в другие казачьи войска (с согласия начальства тех войск, в которые они желали перечислиться), а также исключаться из войскового сословия (ст. 2). Ровно такие же права получали неслужащие дворяне, войсковые граждане, отставные урядники, казаки

63 Там же. Л. 4–6 об.

64 Там же. Л. 7.

65 О дозволении выходить и переходить в казачье сословие // РГВИА. Ф. 330. Оп. 1. Д. 15. Л. 119–119 об.

66 Об освобождении казачьих офицеров и чиновников от обязательной службы, о дозволении лицам казачьего сословия исключаться из иног, перечисляться в другие войска и служить вне своих войск и о зачислении в казачьи войска лиц невойскового сословия // ПСЗ 2-е собр. СПб., 1873. Т. 44. Отд. 1. № 46998. С. 356–357.

и все вообще лица мужского пола войскового сословия, не состоящие в служилом разряде (ст. 3). Дети всех вышеперечисленных лиц, находящиеся в служилом разряде, могли претендовать на упомянутые права «только по производству в офицеры или по увольнению в отставку» (ст. 4). В казачьих войсках, в которых еще не был введен жеребьевой порядок отбывания воинской повинности, право на службу вне своих войск, перечисление в другие войска, а также исключение из сословия предоставлялось всем вообще казакам, «но с тем, чтобы общее по каждому войску число служилых нижних чинов было достаточно для формирования определенных законом строевых частей» (ст. 5). Каждый желающий воспользоваться упомянутыми правами должен был подать прошение своему войсковому начальству, которое принимало соответствующее решение самостоятельно или входило с представлением в Военное министерство, если это касалось процедуры выхода из войскового сословия служащих офицеров (ст. 6). Казаки недворяне после исключения из сословия обязывались «приписаться в установленный срок к какому-либо обществу Империи» (ст. 7). Выходящим из войскового сословия, поступающим на службу вне своих войск и перечисляющимся в другие войска предоставлялось право «брать с собою жен своих и не поступивших в состав служилого разряда детей, с тем, однако, чтобы... малолетние сыновья, по достижении ими 19 лет, возвращались в войско для вынужтия жребия (служить или не служить)» (ст. 8). Казачьи вдовы и незамужние дочери казаков также могли выходить из войскового сословия (ст. 9). Для зачисления в казачьи войска лиц, не имеющих военных и гражданских чинов, требовалось «особо уважительные причины» и разрешение «главного местного начальства», для имеющих чины необходимо было получить еще и разрешение Военного министерства (ст. 10).

Применение закона на практике почти сразу вызвало отклики у местных администраций. В сентябре 1869 г. начальник штаба Кавказского военного округа вистунов задался вопросом о том, «что следует разуметь под названием казаков не состоящих в служилом разряде»⁶⁷. Таким образом он продемонстрировал

67 Сборник правительственных распоряжений по казачьим войскам. СПб., 1871. Т. 5. С. 370.

довольно странную неосведомленность об уже действующем «Положении о военном составе Оренбургского казачьего войска», в то время как в Военном министерстве уже довольно активно обсуждалась возможность распространения оренбургского опыта на Кубанское и Терское казачьи войска, что и случилось в 1870 г. ГУКВ пришлось подробно объяснять начальнику штаба обстоятельства появления в законе категории «неслужащих казаков», ссылаясь на оренбургское положение⁶⁸. Вероятно, в этой связи Военный совет в октябре того же года сообщил главнокомандующему Кавказской армией о необходимости отмены его распоряжения от 18 декабря 1865 г. «о приостановлении зачисления в Кубанское войско лиц всех сословий» из-за вступления в силу закона от 21 апреля 1869 г.⁶⁹

В апреле 1871 г. все тот же начальник штаба Кавказского военного округа А. П. Свистунов в своем рапорте в ГУИВ поставил еще один вопрос: какими правами должны пользоваться казаки в случае выхода из своего сословия⁷⁰. В Главном управлении попытались разобраться в этом деле и обратились к практике разных войск в реализации апрельского закона. Генерал-губернатор Восточной Сибири Н. П. Синельников сообщил, что он, как и его предшественник М. С. Корсаков, «не признавал возможным безусловно применять к Амурскому казачьему войску закон от 21 апреля 1869 года». Такую позицию он обосновывал низкой плотностью населения Приамурского края, а также «большими трудностями и значительными денежными затратами казны при водворение казачьих населений по течению рек Амура и Усури⁷¹». В связи с этим Н. П. Синельников выразил уверенность, что «безусловное разрешение выхода из казачьего сословия всем отставным урядникам и казакам Амурского войска имело бы прямым последствием обратное переселение большей части их в Забайкалье». Тем не менее он все-таки согласился на увольнение из казачьего сословия, но «только тех, за которыми не числилось много долгов в войсковые и казенные суммы, и с тем условием, чтобы те из них, которые имеют взрослых

68 Там же. С. 370–371.

69 Там же. С. 372–373.

70 Какими правами должны пользоваться отставные нижние чины, исключенные из казачьего сословия по закону от 21 апреля 1869 г. // РГВИА. Ф. 330. Оп. 19. Д. 496. Л. 1.

71 Там же. Л. 38.

и невыделенных детей, не лишали бы их средств для прочного домообзаведения»⁷². Свою оценку закону от 21 апреля 1869 г. дал и главнокомандующий Кавказской армией великий князь Михаил Николаевич. По его мнению, закон стимулировал среди переселенцев на Кавказ «стремление к оставлению настоящих их мест жительства, в такой степени, что если заблаговременно не будет принято ограничительных мер, то некоторые местности... могут совершенно опустеть»⁷³. «Многие из урядников и казаков передовых станиц, — отмечал великий князь, — ожидают только отставки или поступления в неслужилый разряд, чтобы получить право свободного перечисления на другое место, не радея об улучшении своего быта и хозяйства»⁷⁴. Он предложил ограничить для казаков Кавказских казачьих войск действие закона, а «равно и переселение в старые станицы своего войска... не иначе как с условием возврата в казну и в войсковые суммы всех полученных переселяющимися ... пособий, с тем, чтобы от возврата таких пособий освобождались в особо уважительных случаях только вдовы и сироты»⁷⁵. Данное ограничение планировалось распространить на жителей 47 станиц и поселков Кубанского казачьего войска и 10 станиц Терского казачьего войска в течение 15 лет с 1 января 1871 г., т. е. со дня введения нового положения о Кубанском и Терском казачьих войсках⁷⁶. Собранные замечания Военный совет рассмотрел в мае 1873 г. и постановил: 1) урядники и казаки, воспользовавшиеся апрельским законом, должны приписываться к городским и сельским обществам «на общих для всех податных сословий основаниях»; а имеющие долги обязывались их заблаговременно оплатить; 2) казаки Амурского, Семиреченского казачьих войск, а также Кубанского и Терского войск (из станиц по списку главнокомандующего в течение 15 лет) выходят из сословия «не иначе как возвратив предварительно все полученные ими... пособия, но без процентов на эти суммы»⁷⁷. Военный совет свое заключение в установленном порядке внес на рассмотрение Государственного совета. Однако

72 РГВИА. Ф. 330. Оп. 19. Д. 496. Л. 39.

73 Там же. Л. 41 об.-42 об.

74 Там же. Л. 42 об.

75 Там же. Л. 44.

76 Там же. Л. 90.

77 Там же. Л. 91-92.

последний по итогам заседания 2 марта 1874 г. отправил дело на доработку⁷⁸. Поводом для этого стало принятие нового Устава о воинской повинности 1874 г. Тем временем в Военное министерство продолжали поступать различные запросы как из других ведомств, в первую очередь МВД, так и от местных властей по процедуре исполнения закона 1869 г. Наиболее важные из них касались перевода исключенных из казачьего сословия отставных казаков в податные общества, а также условий отбывания воинской повинности зачисленными в казаки (по местным положениям или по новому Уставу 1874 г.) и пр.⁷⁹ Отдельно в Военном министерстве был рассмотрен вопрос о праве на исключение из войскового сословия казачьих малолеток⁸⁰.

Выход из ситуации Военное министерство увидело в поручении администрации Войска Донского создать специальную комиссию по подготовке новой редакции закона 1869 г. Такое решение было продиктовано следующими обстоятельствами. Действительно, первая же статья Устава 1874 г. гласила: «Защита престола и отечества есть священная обязанность каждого русского подданного. Мужское население, без различия состояний, подлежит воинской повинности»⁸¹. Тем самым Устав значительно менял условия для исполнения апрельского закона и ставил под сомнение конскрипционную систему комплектования казачьих войск. Донскому войску в 1871 г. было дозволено при реформировании военной службы руководствоваться не конскрипцией, а принципом всеобщности несения воинской повинности, что и было учтено местной комиссией, разработавшей «Положение о военной службе Донского войска» (1874) и «Устав о воинской повинности Войска Донского» (1875). Эти документы заложили новые основы казачьей службы, к нач. 1880-х гг. распространенные на все казацкие войска⁸². Таким образом, донские власти

78 Там же. Л. 158 об.

79 Там же. Л. 167.

80 Сборник правительственных распоряжений по казачьим войскам. СПб., 1873. Т. 8. Ч. 1. С. 271–274.

81 Устав о воинской повинности, высочайше утвержденный 1 января 1874 г. М., 1874. С. 13.

82 *Volvenko A. A. Between Recruitment and All-Estates Conscriptio: Cossack Military Service and its Transformation in the Late Imperial Period (1835–1917) // Vestnik Volgogradskogo Gosudarstvennogo Universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye Otnosheniya, 2023. Vol. 28. № 2. P. 79–90.*

имели соответствующий опыт, требуемый для корректировки закона 1869 г.

Донская комиссия пересматривала апрельский закон с 1875 г. и в итоге в августе 1878 г. представила в Военное министерство проект «Положения о службе лиц Войска Донского вне своего войска, о выходе их из войскового сословия и о зачислении в оное лиц иногородних»⁸³. В процессе подготовки проекта комиссия исходила из требования отмены первой статьи закона как противоречащей Донскому и Общеимперскому уставам о воинской повинности. «Для нижних чинов приготовительного и строевого разрядов, ввиду недостатков казаков для формирования штатных строевых частей, — отмечала комиссия — необходимо не допускать выхода из войскового сословия, пока в строевом разряде не будет достаточно казаков для строевых частей и для пополнения убыли в военное время»⁸⁴. Если же исключение из войскового сословия все же произойдет, то, по мнению комиссии, лицо, воспользовавшееся таким правом, обязывалось «приписаться к городским и сельским обывателям... по порядку, установленному для крестьян». Комиссия оставила статью о возможности зачисления в казачество⁸⁵, причем поступившие в казаки должны были нести воинскую повинность по казачьим уставам. Донской проект состоял из 16 статей и учитывал местную специфику. ГУИВ разослало его для оценки всем казачьим начальникам, большинство из которых не высказало принципиальных замечаний в его адрес⁸⁶. Принимая во внимание сам проект, а также полученные на него заключения, в том числе и из других ведомств, в ГУИВ пришли к мнению о необходимости изменения и дополнения закона для точного определения «гражданских отношений исключаемых и зачисляемых лиц, лишь в общих чертах намеченных в апрельском законе»⁸⁷. В специальной записке ГУИВ, посвященной данному вопросу, говорилось: «Нельзя не признать, что всякое ограничение

83 Какими правами должны пользоваться отставные нижние чины, исключенные из казачьего сословия по закону от 21 апреля 1869 г. // РГВИА. Ф. 330. Оп. 19. Д. 496. Л. 225-234 об.

84 Там же. Л. 269 об.

85 Там же. Л. 270.

86 Там же. Л. 273.

87 Там же. Л. 279.

права выхода из войскового сословия, ведущее к раздроблению семейства и к неизбежному расстройству его экономического положения, особенно не желательно в казачьих войсках, где целостность семейств, как экономической единицы, составляет одно из главных условий состоятельности казаков в отбывании лежащих на них повинностей. Слишком 10-летний опыт существования закона 21 апреля доказывает, что между казаками, несмотря на тягость отбываемой ими службы, вовсе не заметно усиленного стремления к выходу из своих войск»⁸⁸.

Здесь позволим себе небольшое отступление. Нам приходилось неоднократно встречаться с мнением различных представителей Военного министерства 1860–1870-х гг. о том, что казаки неохотно расстаются со своим привилегированным положением. Однако каких-либо статистических сведений, подтверждающих такое наблюдение, до сих пор не обнаружено. Известные нам количественные данные, которые можно считать вполне официальными, относятся в основном к поступившим в казаки. Так, с 1871 по 1879 г. зачисленных в войсковое сословие по всем казачьим войскам насчитывалось всего 49 578 чел., на более чем двухмиллионное казачье население⁸⁹. По информации М. Хорошхина, с 1875 по 1881 г. перешедших в войсковое сословие значилось 29 979 чел., или 5 % от общего прироста казачьего населения, а исключенных — 25 986 чел., или 6,8 % из общей убыли населения по всем войскам. По зачисленным в казаки первое место занимало Семиреченское войско — почти 32 %; на последних местах расположились Донское (более 3 %) и Терское (2 %) войска⁹⁰. Если исходить из ситуации, что количество казачьего населения в целом в 1860–1870-х гг. последовательно росло без резких перепадов (а так и было на самом деле), значит можно предположить, что действительно массовых случаев выхода из казачества в указанный период не было, а которые происходили, вероятно, компенсировались количеством зачисляемых. Очевидно, что практика использования закона от 21 апреля 1869 г.

88 Там же. Л. 282 об.

89 Исторический очерк деятельности военного управления в России в первое двадцатилетие благополучного царствования государя императора Александра Николаевича (1855–1880). СПб., 1880. Т. 5. С. 244–245.

90 Хорошхин М. П. Казачьи войска. Опыт военно-статистического описания. СПб., 1891. С. 167–168.

носила частный (семейный) характер. Для перевода же целых станиц в гражданское положение издавались отдельные правила или распоряжения. В связи с упразднением поселка Анапского и станицы Новороссийской Кубанского казачьего войска в сентябре 1869 г. по «высочайшему соизволению» 65 казачьих семейств упомянутых поселений были перечислены в обыватели городов Анапы и Новороссийска с исключением из казачьего сословия⁹¹. В декабре 1869 г. согласно «Правилам об отчислении 12 станиц Кубанского казачьего войска и одной Терской в гражданское состояние» казаки кубанских станиц — Надеждинской, Михайловской, Татарской, Старомарьевской, Спицевской, Бешпагирской, Сергиевской, Грушевской, Калиновской, Северной, Круглолесской, Александровской, а также станицы Железноводской Терского войска были обращены в гражданское состояние и переведены в состав Ставропольской губернии⁹². В июле 1870 г. была упразднена Кизлярская станица Терского казачьего войска. Ее жители оказались исключены из казачьего сословия без надела земель с переводом в Кизлярское городское общество⁹³. В ноябре 1871 г. станица Канонирская Сибирского казачьего войска перешла в гражданское ведомство, а ее жители «причислены к состоянию свободных сельских обывателей... с сохранением состоящих в их наделе земли и... угодий»⁹⁴. В мае 1874 г. еще одна станица Терского войска Саблинская была включена в границы Ставропольской губернии, а ее население лишилось казачьего статуса⁹⁵. В мае 1879 г. в рамках мероприятий по «улучшению быта» Амурского войска 900 нижних чинов из бывшего корпуса внутренней стражи, ранее оказавшиеся в рядах амурского казачества, были исключены из войскового сословия. А для казаков селения Сучи Николаевского округа Приморской области власти предоставили на выбор — обратиться в гражданское состояние или остаться в казаках, но переселиться в другой район войска⁹⁶. Фиксируются и противоположные примеры. В 1878 г. жителей

91 Сборник правительственных распоряжений по казачьим войскам. СПб., 1871. Т. 5. С. 239–240.

92 Там же. С. 331–334.

93 Там же. Т. 6. С. 179.

94 Там же. 1872. С. 277–278.

95 Там же. 1874. Т. 10. Ч. 1. С. 99.

96 Там же. 1879. Т. 15. Ч. 1. С. 68.

станции Гривенско-Черкасской (черкесов по национальности) фактически насильно зачислили в войсковое сословие Кубанского казачьего войска⁹⁷. В январе 1874 г. вышло важное императорское разъяснение о том, что «зачисление в сословие казачье лиц, к оному не принадлежащих, не имеет ничего общего с зачислением служащих лиц в строевой состав войска с присвоением права носить мундир сего войска, и что предоставление этого права носит исключительно от Высочайшей воли»⁹⁸. Формой символического зачисления в войсковое сословие стала практика принятия важных государственных особ в казачество. Так, например, 3 июля 1875 г. великий князь Николай Николаевич Старший был приписан в донские казаки вновь образуемой станции Великокняжеской⁹⁹.

Обратимся вновь к записке ГУИВ. Среди прочих деталей в ней четко прописывался ключевой вопрос: «...каким порядком исключенные из войскового сословия должны привлекаться к отбыванию воинской повинности по общему уставу»¹⁰⁰. В ходе обсуждения донского проекта Главный штаб и МВД ратовали за то, чтобы из числа вышедших из казачества «привлекать к жребию (на воинскую службу. — А. В.) недостигших призывного возраста, всех же перешедших этот возраст... зачислять в ополчение». По этому поводу в записке было отмечено: «...поступление в ополчение почти безусловно освободит на самом деле от воинской повинности, весьма тяжелой для казаков, будет, помимо всех других расчетов, одною из главных побудительных причин к выходу из войска, и нетрудно предвидеть, что к переходу в гражданское состояние преимущественно должна стремиться тогда наиболее развитая и образованная часть казачьего населения, имеющая все данные для успешной деятельности и вне военного поприща. Если желательно сохранить казачьи войска и упрочить внутренний быт их, то едва ли надо доказывать, что положение выходящих из войскового сословия должно быть обставлено таким образом, чтобы возможность освобождения от воинской повинности не была для них одним

97 Там же. 1878. Т. 14. Ч. 1. С. 89–90.

98 Там же. 1874. Т. 10. Ч. 1. С. 8–9.

99 Там же. 1876. Т. 11. Ч. 2. С. 1.

100 Какими правами должны пользоваться отставные нижние чины... Л. 285.

из главных побуждений к выходу из войска»¹⁰¹ В заключении записки ее авторы посчитали необходимым напомнить о том, что «войска не имеют надобности искусственно привлекать в свою среду лиц других сословий»¹⁰² И это важное напоминание, к которому мы еще обратимся. На основе донского проекта, а также используя материалы поступивших заключений, ГУКВ к октябрю 1880 г. подготовил свой проект положения. Пройдя через одобрения в различных инстанциях, он был утвержден Александром III 19 января 1883 г. под названием «Положение о службе казаков вне своих войск, о выходе из войскового сословия и о зачислении в оное».

18 статей Положения 1883 г. предваряла преамбула, отдельно прописывающая условия выхода из войскового сословия и перехода в другие войска для казаков тех станиц и поселков Кубанского и Терского казачьих войск, которые ранее получили пособия «при водворении в местах настоящего жительства». Такие станичники могли воспользоваться нормами Положения до 1 января 1886 г. «не иначе, как по возвращении означенных пособий». В отличие от донского проекта, Положение 1883 г. сохранило первую статью закона 1869 г. об освобождении от обязательной службы генералов, штаб- и обер-офицеров, чиновников казачьих войск. Для перечисленных лиц, а также для отставных урядников и казаков, казачьих вдов и незамужних дочерей казаков повторялись нормы 1869 г. по выходу из войскового сословия (ст. 1–4). Список упомянутых лиц был пополнен получающими войсковые стипендии в учебных заведениях, они могли как освободиться от обязательной службы, так и выйти из сословия, но «только по выполнении налагаемой на них... обязанности относительно службы в своем войске за полученное образование» (ст. 5). Видимо, из-за имеющихся прецедентов появилась в Положении статья 6, предусматривающая возможность для юношей, уволенных вместе с отцами из войскового сословия, по достижении ими 17-летнего возраста и не позднее 25 лет от роду, «возвращаться в войсковое сословие и причисляться к тем обществам, к которым прежде принадлежали, не испрашивая их согласия». В статье 7 перечислялись требования для

101 Какими правами должны пользоваться отставные нижние чины... Л. 285 об.

102 Там же. Л. 287.

желающих выйти из войскового сословия или перейти в другое войско: возраст — не менее 17 лет; отказ от участия в пользовании станичными землями и угодьями; оплата всех повинностей и недоимок; не быть под следствием или судом; обеспечить снаряжение на службу остающихся в войске, нераздельно с ним живущих, сыновей и родственников (если те или другие достигли 17 лет и не имеют офицерских или классов чинов); рядовому казаку иметь согласие родителей, если он проживает вместе с ними; представить приёмный приговор того общества, в которое планируется поступление. Лица, выполнившие перечисленные выше требования, должны были получить положительный приговор от станичного общества, в котором прописывался «как сам выходящий из войска, так и все увольняемые вместе с ним члены его семейства» (ст. 8). Для незамужних казачек и вдов, не имеющих наделов в станичных юртах, достаточно было получить свидетельство от станичных атаманов о том, что они не состоят под судом и следствием, и согласие родителей или подтверждение, что последних нет в живых (для незамужних казачек) (ст. 9). Статьи 10 и 11 перечисляли категории должностных лиц, к которым поступают на утверждение просьбы об увольнении из войскового сословия и о перечислении в другие казачьи войска, а также документы, которые уволенные должны были иметь на руках, и уведомления, подлежащие рассылке по соответствующим инстанциям. Вышедшие из войскового сословия, за исключением принадлежащих к дворянскому состоянию, обязывались в течение 6 месяцев приписаться к городскому или сельскому обществу (ст. 12). Статья 13 подробно описывала, каким образом привлекались к несению воинской повинности «лица, которые при увольнении из войскового сословия имеют менее 17 лет от роду... и перешедшие сей возраст». В статьях 14 и 15 речь шла о тех представителях казачества рядового, офицерского состава и чиновничества, которые желают поступить на службу в Военное, а также в другие ведомства, в регулярные войска, но без исключения из войскового сословия. Процедура зачисления в войсковое сословие была оформлена в статьях 16 и 17. Кандидат для вступления в казаки подает прошение на имя войскового (наказного) атамана вместе с приёмным приговором той станицы, в которую намерен зачислиться, метрическим свидетельством своим и своих детей (при наличии), послужным

списком, аттестатом или указом об отставке (для офицеров и чиновников), увольнительным приговором от общества (для состоящих в городском или сельском сословиях). Прошения офицеров и чиновников после рассмотрения атаманом должны были передаваться в Военное министерство, по всем прочим ходатайствам атаман принимал решения самостоятельно (ст. 16), строго придерживаясь статьи 17 о зачислении в войсковое сословие только таких лиц, «которые намерены водвориться в станицах и могут приносить пользу обществам». В последней, 18-й, статье Положения приводились условия по прохождению казачьей военной службы зачисленными в войсковое сословие¹⁰³.

Не прошло и двух лет со дня опубликования Положения, как военный министр П. С. Ванновский в специальном письме от 20 октября 1884 г. к атаманам Донского, Уральского, Оренбургского и Астраханского казачьих войск и к командующим войсками Иркутского и Казанского военных округов сделал важное разъяснение по поводу зачисления в казачество. Письмо стало реакцией на поступающую в ведомство информацию о том, что начальство «одного из казачьих войск... допускает в довольно широких размерах зачисление в казаки лиц иногородних», а также присылает «много ходатайств о зачислении в войсковое сословие офицеров и чиновников». По мнению П. С. Ванновского, лица, просящие о приеме в казачье сословие, «за редкими исключениями... преследуют, главным образом, одни только свои материальные выгоды». Такие «новоиспеченные» казаки не прилагают «никаких усилий к тому, чтобы сделаться казаками не только по имени, но и по духу; даже дети таких лиц, вырастая в семьях, не имеющих никакой связи с прошлою доблестною боевою жизнью войска, неизбежно войдут в казачьи общины и строевые части элементом, ослабляющим воинские качества казаков». Министр ссылается на приемные приговоры, выдаваемые офицерам и чиновникам, содержание которых подтверждает слухи о «щедрых обещаниях и угощении», т. е. фактически о подкупе станичных властей и местного населения. Далее П. С. Ванновский пишет: «Между тем из многих данных, имеющихя в Военном министерстве, почти не подлежит сомнению, что лица привиле-

103 Сборник правительственных распоряжений по казачьим войскам. 1884. Т. 19. Ч. 1. С. 1-9.

гированных состояний, добиваясь зачисления в войсковое сословие, имеют в виду не призвание к службе в казачьих войсках, а или выигрыш по службе, или материальные выгоды в виде земельного пая и возможности пользоваться другими станичными угодьями, а также ссудами из войскового капитала, и ввиду возможности воспитывать на войсковой счет детей, владеть недвижимою собственностью в станицах без платежа посаженной пошлины и вообще с большим удобством вести различного рода промышленные предприятия. Наконец, одною из побудительных причин искать перехода в казачье сословие является нередко стремление... получить право ношения мундира, т. е. воспользоваться преимуществом, жалуемым только высокопоставленным лицам...». Для министра совершенно очевидно, что «слишком свободное зачисление в войсковое сословие... представляется делом безусловно вредным». Вредность эта проявляется в виде «бремени» для войска от новообращенных, которые не только не усиливают боевого его состава, но и уменьшают средний душевой надел казака. Ссылаясь на желание Александра III видеть казачество «на высоте своего призвания в общем составе русской армии», П. С. Ванновский в заключении письма призывает атаманов «теперь же обратить самое серьезное внимание на ограничение широко практикуемого зачисления посторонних лиц», т. к. последние «могут расшатывать в корне исторические основы и веками выработавшиеся принципы быта и службы казачьих войск»¹⁰⁴.

Письмо П. С. Ванновского актуализировало напоминание, сделанное чиновниками ГУКВ, о ненужности искусственного привлечения в казачество представителей других сословий, но послание министра имело рекомендательный характер. Положение 1883 г. действовало почти в неизменном виде вплоть до 1917 г. Его незначительная корректировка, касающаяся генеральского, штаб-и обер-офицерского состава, произошла в апреле 1903 г. по инициативе Военного министерства¹⁰⁵. Были попытки изменить Положение 1883 г. со стороны отдельных войсковых администраций, но все они не получили поддержки. Так, в 1900 г. войсковое начальство Оренбургского казачьего войска предложило запретить

104 Там же. 1885. Т. 20. Ч. 2. С. 266–270.

105 Там же. 1904. Т. 39. С. 13.

казакам выходить из своего сословия, войсковых граждан и неспособных казаков обязать оплатить все имеющиеся сборы в случае их отчисления из войска, а также отказать в прожизивании в казачьих станицах уволенным из войскового сословия. Аргументы Оренбургской администрации сводились к следующему. В основном правом выхода пользовались богатые казаки, из-за этого станичные общества, связанные круговой порукой, не могли качественно снарядить на службу бедных казаков. Поведение отчисленных из войскового сословия в станицах приводит к «деморализации казачьего населения». Военный совет вынес подробное заключение, в котором признал оренбургские предложения неубедительными¹⁰⁶. В октябре 1907 г. Военное министерство отказало в утверждении новых правил, разработанных администрациями Амурского и Уссурийского казачьих войск. Данные правила были призваны дополнить/заменить отдельные статьи Положения 1883 г. в части регулирования обратного переезда ранее переселенных за счет казны казаков из Приамурского края в Амурское и Уссурийское войска. Военный совет подробно рассмотрел обстоятельства дела и посчитал исчерпывающими статьи Положения 1883 г., необходимые для возвращения казаков на Родину¹⁰⁷.

Опыт применения Положения 1883 г., как и в случае с законом 1869 г., не получил массового распространения. Мы представили сведения из всеподданнейших отчетов войскового наказного атамана Войска Донского за 6 лет с 1882 по 1887 г. по разделу «Народонаселение» в виде следующей таблицы.

106 Сборник правительственных распоряжений по казачьим войскам. 1901. Т. 36. С. 495–499.
107 Там же. 1908. Т. 43. С. 384–388.

Год	Зачисленные в войсковое сословие (чел.)	Исключенные из войскового сословия (чел.)	Население войскового сословия (чел.)	Процентное соотношение к количеству населения войскового сословия зачисленных/исключенных (%)
1882	212	458	856 802	0,0247 / 0,0535
1883	237	221	859 057	0,0275 / 0,0273
1884	810	372	869 963	0,0931 / 0,0428
1885	651	363	898 997	0,0724 / 0,0404
1886	1999	3040	912 453	0,2191 / 0,3332
1887	27	91	909 381	0,00297 / 0,01

Таблица Динамика зачисления в войсковое сословие и исключения из него по войску Донскому (1882–1887)

Безусловно, для более репрезентативной картины требуется информация по всем казачьим войскам и за более длительный период, но и приведенных в таблице данных по самому крупному казачьему войску, на наш взгляд, все же достаточно для того, чтобы считать вполне обоснованным вывод о нечастом использовании на практике Положения 1883 г.

Исключения из казачества, как и зачисления в него, как правило, имели семейно-бытовую природу, социально-экономическую или образовательную подоплеку, носили символический характер¹⁰⁸. Наиболее одиозные случаи рассматривались на министерском уровне и доходили до Правительствующего Сената. В мае 1899 г. Сенат разобрал жалобу на военного министра А. Н. Куропаткина от ссыльнопоселенца Василия Алейникова за отказ в зачислении его в войсковое сословие Кубанского войска с одновременным водворением в станице Царской. Руководствуясь соответствующими статьями Положения 1883 г., а также учитывая,

108 Любимов А. Г., Новожилова Л. А. «Прошу принять из войскового сословия в Челябинское мещанское общество...» (на основе фондов ОГАЧО) // Генеалогия и архивы: материалы четвертой Всероссийской научно-практической конференции. Челябинск, 2022. С. 421–428.

что военный министр не отрицал права Василия Алейникова проживать в Кубанской области, Сенат постановил жалобу ссыльнопоселенца оставить без последствий¹⁰⁹. В 1915 г. была поставлена точка в деле об исключении евреев Павлины и Льва Осиповых из казачьего сословия Войска Донского. Еще в конце 1912 г. военный министр В. А. Сухомлинов подготовил рапорт, в котором просил Сенат разъяснить вопрос о правомерности нахождения семьи Осиповых в казачьем сословии. Поводом для его возникновения стало заявление к станичному сбору Новониколаевской станицы Таганрогского округа от казачьей вдовы Павлины Осиповой о предоставлении ее пятнадцатилетнему сыну Льву земельного пая. По неизвестным причинам станичный атаман и окружной начальник решили навести справки о семье Осиповых, опросив стариков-казаков. Выяснилось, что казак из кантонистов еврей Леонтий Осипов с 1845 г. служил в Донской конно-артиллерийской батарее № 8 и с разрешения командира вступил в законный брак с дочерью мещанки г. Бахмута Гени Лейбовичной Рухлей в феврале 1845 г. В 1859 г. Леонтий Осипов был зачислен в станицу Новониколаевскую, но без приёмного приговора от общества. В той же станице затем числились сын Леонтия казак Авраам Осипов с женой Перель Абрамовной (Павлиной). Собственно, в этой семье и был рожден Лев Осипов, претендующий на земельный пай. На основании полученной информации станичное начальство возбудило вопрос об исключении Павлины и Льва Осиповых из войскового сословия. Дело Осиповых рассматривалось 3 года, в том числе и в министерстве юстиции. Сенат на основании отсутствия законных прав о зачислении евреев в казачье сословие и, главное, факта приема в Донское войско предка Осиповых без высочайшего повеления, в феврале 1915 г. принял решение о «невозможности далее числиться в казачьем сословии Павлины и Льва Осиповых»¹¹⁰.

Положение 1883 г. формально отменено не было. Его действие прекратилось с изданием известного декрета ЦИК Советов рабочих и солдатских депутатов «Об уничтожении сословий и гражданских чинов» от 23 ноября 1917 г. Для российского каза-

109 Сборник правительственных распоряжений по казачьим войскам. 1904. Т. 39. С. 69–70.
110 Там же. 1916. Т. 51. С. 49–51.

чества потеря сословности открывала два направления дальнейшего развития: или становиться обычными гражданами при текущем политическом режиме, или избрать непростой путь нациостроительства.

ЛИТЕРАТУРА

- Аминов Р. Р. Каргала — татарская казачья станица Оренбургского казачьего войска (1798–1821 гг.) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2014. № 4 (42). Ч. II. С. 13–17.
- Арефин С. Я. Донские казаки // Русское богатство. 1906. Т. 12. С. 116–152.
- Волвенко А. А. Донское казачество в правительственной политике эпохи «Великих реформ» (1860–1870-е годы). Часть 2 // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2014. Т. 16. № 3–2. С. 382–391.
- Годовова Е. В., Васильев И. Ю. Обзор современных публикаций, посвященных исследованию этнического состава казачьих войск // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2019. Т. 25. № 3. С. 7–15.
- Границы и маркеры социальной стратификации России XVII–XX вв.: векторы исследования / [под ред. Д. А. Редина]. СПб.: Алетейя, 2018. 722 с.
- Дружинина Е. И. Северное Причерноморье в 1775–1800 гг. М.: Издательство Академии наук СССР, 1959. 279 с.
- Заседателева Л. Б. Терские казаки (середина XVI — начало XX вв.): Историко-этнографические очерки. М.: Издательство Московского университета, 1974. 423 с.
- Иванова Н. А., Желтова В. П. Сословное общество Российской империи (XVIII — начало XX века). М.: Новый хронограф, 2010. 752 с.
- Исторический очерк деятельности военного управления в России в первое двадцатилетие благополучного царствования государя императора Александра Николаевича. (1855–1880). СПб.: тип. М. Стасюлевича, 1880. Т. 1. 681 с.
- Караулов М. А. Терское казачество. М.: Вече, 2008. 320 с.
- Краснов И. И. О народности в Донском войске // Военного сборника. 1862. № 4. С. 343–356.
- Куксенко Е. И. Эволюция обычного права донских казаков: XVI — начало XIX вв.: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ростов-на-Дону: Ростовский юридический ин-т МВД РФ, 2005. 31 с.
- Леднев Н. В. История Семиреченского казачьего войска. [Верный]: Тип. Семиреченского Областного Правления, 1909. 834 с.
- Леонов А. А. Как поступали в казаки? // Донские войсковые ведомости, 1862. № 39, 40. С. 215–221.
- Леонов А. Краткая опись некоторых из числа хранящихся в Старочеркасской соборной церкви актов (составлена в 1849 г.) // Донские войсковые ведомости. 1853. 6 мая (№ 17). С. 73–76; 13 мая (№ 18). С. 80–82; 20 мая (№ 19). С. 84–87; 27 мая (№ 20). С. 88–89; 3 июня (№ 21). С. 92–95; 10 июня (№ 22). С. 96–98.

- Любимов А. Г., Новожилова Л. А. «Прошу принять из войскового сословия в Челябинское мещанское общество...» (на основе фондов ОГАЧО) // Генеалогия и архивы: материалы четвертой Всероссийской научно-практической конференции. Челябинск: Объединенный государственный архив Челябинской области, 2022. С. 421–428.
- Морозов А. Е. Соотношение этнических и социальных компонентов в процессе становления и развития казачества: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Ставрополь: Изд-во СГУ, 1998. 26 с.
- Недбай Ю. Г. Казачество Западной Сибири в эпоху Петра Великого. Омск: Изд-во ОмГПУ, 1998. 272 с.
- Никитин Н. И. О происхождении, структуре и социальной природе сообществ русских казаков XVI — середины XVII века // История СССР. М.: Наука, 1986. № 4. С. 174–177.
- Никитин Н. И. Служилые люди в Западной Сибири XVII века. Новосибирск: Наука, 1988. 254 с.
- Паршина Н. В. Особенности общественного устройства и земельных отношений казачества юга России: XV — начало XX вв. дис. ... канд. юрид. наук. М.: [Б. и.], 2013. 212 с.
- Пронштейн А. П. Земля Донская в XVIII веке. Ростов-на-Дону: Изд-во Ростовского университета, 1961. 375 с.
- Рогова С. В. Обычное право в системе регулирования общественных отношений у донского казачества (XVI — начало XX вв.) (историко-правовое исследование): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар: [Б. и.], 2010. 35 с.
- Сватиков С. Г. Россия и Дон (1549–1917). Исследование по истории государственного и административного права и политических движений. Белград: издание Донской исторической комиссии, 1924. 592 с.
- Скворцов В. В. Историко-статистический очерк Астраханского казачьего войска. Саратов: тип. П. С. Феокритова, 1890. 411 с.
- Столетие Военного министерства 1802–1902. Главное управление казачьих войск. Исторический очерк. СПб.: Синодальная типография, 1902. Т. 11. Ч. 1. 900 с.
- Столетие Военного министерства 1802–1902. Приложения к историческому очерку развития военного управления в России. СПб.: тип. П. Ф. Пантелеева, 1902. Ч. 1. 200 с.
- Хорошхин М. П. Казачьи войска. Опыт военно-статистического описания. СПб.: тип. А. С. Суворина, 1891. 311 с.
- Юрченко И. Ю. Проблема расказачивания в новейшей историографии: история изучения, юридические и политические аспекты, библиография и статистика публикаций // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения. 2019. Т. 24. № 4. С. 224–234.
- Volvenko A. A. Between Recruitment and All-Estates Conscriptio: Cossack Military Service and its Transformation in the Late Imperial Period (1835–1917) // Vestnik Volgogradskogo Gosudarstvennogo Universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye Otnosheniya, 2023. Vol. 28. № 2. P. 79–90.

- Volvenko A. A. Interim Committee on Revision of the Cossack Statutes: Organization, Structure, Activity (1865-1872) // *Bylye Gody*, 2018. № 47 (1). P. 280-291.
- Volvenko A. A. Kazakomanstvo. Don Case (the 1860s). Part III // *Russkaya Starina*, 2015. № 3 (15). P. 196-197.

REFERENCES

- Aminov R. R. Kargala — tatarskaya kazach'ya stanica Orenburgskogo kazach'ego vojska (1798-1821 gg.) // *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki*. 2014. № 4 (42). Ch. II. P. 13-17. (in Russian)
- Arefin S. Ya. Donskie kazaki // *Russkoe bogatstvo*, 1906. Vol. 12. P. 116-152. (in Russian)
- Volvenko A. A. Donskoe kazachestvo v pravitel'svennoj politike epohi "Velikih reform" (1860-1870-e gody). *CHast' 2* // *Izvestiya Samarskogo nauchnogo centra Rossijskoj akademii nauk*. 2014. Vol. 16. № 3-2. P. 382-391. (in Russian)
- Godovova E. V., Vasil'ev I. YU. Obzor sovremennyh publikacij, posvyashchennyh issledovaniyu etnicheskogo sostava kazach'ih vojsk // *Vestnik Samarskogo universiteta. Istorija, pedagogika, filologiya*. 2019. Vol. 25. № 3. P. 7-15. (in Russian)
- Granicy i markery social'noj stratifikacii Rossii XVII-XX vv.: vektory issledovaniya / [pod red. D. A. Redina]. St. Petersburg: Aletheya, 2018. 722 p. (in Russian)
- Druzhinina E. I. Severnoe Prichernomor'e v 1775-1800 gg. M.: Publishing House of the USSR Academy of Sciences, 1959. 279 p. (in Russian)
- Zasedateleva L. B. Terskie kazaki (seredina XVI — nachalo XX vv.): Istoriko-etnograficheskie ocherki. Moscow: Moscow University Publishing House, 1974. 423 p. (in Russian)
- Ivanova N. A., Zheltova V. P. Soslovnoe obshchestvo Rossijskoj imperii (XVIII — nachalo XX veka). Moscow: New Chronograph, 2010. 752 p. (in Russian)
- Istoricheskij ocherk deyatelnosti voennogo upravleniya v Rossii v pervoe dvadcatiletie blagopoluchnogo carstvovaniya gosudarya imperatora Aleksandra Nikolaevicha. (1855-1880). SPb.: printing house of M. Stasyulevich, 1880. Vol. 1. 681 p. (in Russian)
- Karaulov M. A. Terskoe kazachestvo. Moscow.: Veche, 2008. 320 p. (in Russian)
- Krasnov I. I. O narodnosti v Donskom vojske // *Voennogo sbornika*. 1862. № 4. P. 343-356. (in Russian)
- Kuksenko E. I. Evolyucija obychnogo prava donskih kazakov: XVI — nachalo XIX vv.: avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk. Rostov-on-Don: Rostov Legal Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation [B. i.], 2005. 31 p. (in Russian)
- Ledenev N. V. Istorija Semirechenskogo kazach'ego vojska. [Verny]: Printing house of the Semirechensk Regional Board, 1909. 834 p. (in Russian)
- Leonov A. A. Kak postupali v kazaki? // *Donskie vojskovye vedomosti*, 1862. № 39, 40. P. 215-221. (in Russian)
- Leonov A. Kratkaya opis' nekotoryh iz chisla hranyashchihsya v Starocherkasskoj sobornoj cerkvi aktov (sostavlena v 1849 g.) // *Donskie vojskovye vedomosti*. 1853. May 6 (№ 17). P. 73-76; May 13 (№ 18). P. 80-82; May 20 (№ 19). P. 84-87; May 27 (№ 20). P. 88-89; June 3 (№ 21). P. 92-95; June 10 (№ 22). P. 96-98. (in Russian)

- Lyubimov A. G., Novozhilova L. A.* «Proshu prinyat' iz vojskovogo sosloviya v Chelyabinskoe meshchanskoe obshchestvo...» (na osnove fondov OGACHO) // Genealogiya i arhivy: materialy chetvertoj Vserossijskoj nauchno-prakticheskoj konferencii. Chelyabinsk: United State Archive of the Chelyabinsk Region, 2022. P. 421–428. (in Russian)
- Morozov A. E.* Sootnoshenie etnicheskikh i social'nyh komponentov v processe stanovleniya i razvitiya kazachestva: avtoref. dis. ... kand. ist. nauk. Stavropol: SSU Publishing House, 1998. 26 p. (in Russian)
- Nedbaj YU. G.* Kazachestvo Zapadnoj Sibiri v epohu Petra Velikogo. Omsk: Omsk State Pedagogical University Publishing House, 1998. 272 p. (in Russian)
- Nikitin N. I.* O proiskhozhdenii, strukture i social'noj prirode soobshchestv russkikh kazakov XVI — serediny XVII veka // Istorija SSSR. Moscow: Nauka, 1986. № 4. P. 174–177. (in Russian)
- Nikitin N. I.* Sluzhilye lyudi v Zapadnoj Sibiri XVII veka. Novosibirsk: Nauka, 1988. 254 p. (in Russian)
- Parshina N. V.* Osobennosti obshchestvennogo ustrojstva i zemel'nyh otnoshenij kazachestva yuga Rossii: XV — nachalo XX vv. dis. ... kand. jurid. Nauk. Moscow: [S. n.], 2013. 212 p. (in Russian)
- Pronshtejn A. P.* Zemlya Donskaya v XVIII veke. Rostov-na-Donu: Rostov University Publishing House, 1961. 375 p. (in Russian)
- Rogova S. V.* Obychnoe pravo v sisteme regulirovaniya obshchestvennyh otnoshenij u donskogo kazachestva (XVI — nachalo XX vv.) (istoriko-pravovoe issledovanie): avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk. Krasnodar [S.n.], 2010. 35 p. (in Russian)
- Svatikov S. G.* Rossiya i Don (1549–1917). Issledovanie po istorii gosudarstvennogo i administrativnogo prava i politicheskikh dvizhenij. Belgrade: publication of the Don Historical Commission, 1924. 592 p. (in Russian)
- Skvortsov V. V.* Istoriko-statisticheskij ocherk Astrahanskogo kazach'ego vojska. Saratov: printing house P. S. Feokritova, 1890. 411 p. (in Russian)
- Stoletie Voennogo ministerstva 1802–1902. Glavnoe upravlenie kazach'ih vojsk. Istoricheskij ocherk.* St. Petersburg: Synodal Printing House, 1902. Vol. 11. Part 1. 900 p. (in Russian)
- Stoletie Voennogo ministerstva 1802–1902. Prilozheniya k istoricheskomu ocherku razvitiya voennogo upravleniya v Rossii.* St. Petersburg: Printing house P.F. Panteleeva, 1902. Part 1. 200 p. (in Russian)
- Horoshkhin M. P.* Kazach'i vojska. Opyt voenno-statisticheskogo opisaniya. St. Petersburg: printing house of A. S. Suvorin, 1891. P. 311 p. (in Russian)
- Yurchenko I. Yu.* Problema raskazachivaniya v novejshej istoriografii: istoriya izucheniya, juridicheskie i politicheskie aspekty, bibliografiya i statistika publikacij // Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4: Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya. 2019. Vol. 24. № 4. P. 224–234. (in Russian)
- Volvenko A. A.* Between recruitment and all-estates conscription: Cossack military service and its transformation in the late imperial period (1835–1917) // Vestnik Volgogradskogo Gosudarstvennogo Universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye Otnosheniya, 2023. Vol. 28. № 2. P. 79–90. (in English)

Volvenko A. A. Interim Committee on Revision of the Cossack Statutes: Organization, Structure, Activity (1865-1872) // Bylye Gody. 2018. № 47 (1). P. 280-291. (in Russian)

Volvenko A. A. Kazakomanstvo. Don case (the 1860s). Part III // Russkaya Starina. 2015. № 3 (15). P. 194-207. (in Russian)